

Георг Брандес

Генрик Ибсен

Георг Брандес
Генрик Ибсен

«Public Domain»

1906

Брандес Г. М.

Генрик Ибсен / Г. М. Брандес — «Public Domain», 1906

«Над писателем, который пишет не на общераспространенном языке, обыкновенно тяготеет проклятие. Таланту хотя бы и третьестепенному, но имеющему в своем распоряжении язык широко распространенный, гораздо легче быть признанным, чем первоклассному гению, – которого читают в переводе. В этом случае все его художественные особенности, тонкости и красоты утериваются даже и тогда, когда он пишет в прозе. Затем, если он переведем, оказывается, что он писал для кучки знатоков и любителей, что он вхож лишь в то общество, к которому сам принадлежит, но что он чужд широким массам всего света; оказывается, что его произведения подходят под уровень сознания тех, среди которых он вырос и для которых писал, но не отвечал запросам громадного большинства...»

© Брандес Г. М., 1906

© Public Domain, 1906

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Георг Брандес Генрик Ибсен

1

Над писателем, который пишет не на общераспространенном языке, обыкновенно тяготеет проклятие. Таланту хотя бы и третье степенному, но имеющему в своем распоряжении язык широко распространенный, гораздо легче быть признанным, чем первоклассному гению, – которого читают в переводе. В этом случае все его художественные особенности, тонкости и красоты утериваются даже и тогда, когда он пишет в прозе.

Затем, если он переведем, оказывается, что он писал для кучки знатоков и любителей, что он вхож лишь в то общество, к которому сам принадлежит, но что он чужд широкому кругу всего света; оказывается, что его произведения подходят под уровень сознания тех, среди которых он вырос и для которых писал, но не отвечал запросам громадного большинства.

И если Генрику Ибсену удалось обойти эти помехи, то, во-первых, потому, что его позднейшие драматические произведения написаны в прозе, короткими, определенными репликами, легкими для перевода, причем, если произведение и теряло, то в незначительной степени.

А, во-вторых, потому, что, по мере своего развития, он все меньше и меньше писал исключительно для севера, но работал, имея в виду читателей всего мира. Он мало интересовался внешней правдоподобностью, изображая, напр., на сцене замок Росмерехольм, тогда как в Норвегии замков вообще не существует. И, наконец, потому, что в своем искусстве он перешагнул пределы времени.

Наиболее видные немецкие драматурги до него, как напр., Фридрих Геббель, были лишь его предтечами.

Французские драматические писатели, которые в молодости Ибсена владычествовали на сцене – Александр Дюма, Эмиль Ожье, совершенно устарели в сравнении с Ибсеном.

Из произведений Дюма осталось в памяти только одна из его позднейших вещей: «Визит брачной четы», при чем ее рассматривают исключительно со стороны её сценичности.

«Знатная дама ожидает визита своего прежнего любовника, который бросил ее и женился. Он является и представляет ей свою молодую жену. Согласно сделанному уговору с дамой, друг её дома изображает посетителю его бывшую любовницу, как необыкновенно легкомысленное существо, с целым рядом грешков. Это сообщение действует на молодого супруга так, будто его посыпали перцем; он снова влюбляется в даму, решается бросит ради неё жену и ребенка и образумливается только после того, как узнает, что ему рассказали неправду. Зачем жить ему с этой порядочной женщиной, когда у него имеется своя собственная?» И таким-то образом обнаруживается его нравственное убожество. Вот как понимали интригу в доброе старое время: кто-нибудь что-нибудь выдумывал и на это реагировали.

После драмы «Фру Ингер из Эстрота», с её искусственной интригой, Ибсен не прибегает уже больше в своих произведениях к подобного рода сплетениям. Везде у него пред зрителем фигурирует внутреннее существо человека. Поднимается занавес и мы видим отпечаток своеобразной личности. Во второй раз поднимается занавес, мы узнаем её прошлое и, наконец, в третий раз пред нами раскрываются глубочайшие основы её характера.

У всех его главных действующих лиц гораздо более глубокие перспективы, чем у героев других современных ему поэтов, и это разворачивается пред нами без малейшей искусственности. Его техника совершенно новая: никаких монологов, или не идущих к делу реплик, – у

---

¹ Георг Брандес, месяца за 3 до смерти Ибсена приглашенный обществом студентов в Христиании, прочел здесь этот доклад при огромном одобрении публики.

Дюма и Ожье встречается и то, и другое, и мы должны напрягать все внимание, чтобы разобраться в них. Герои драм этих писателей всегда люди с простыми, несложными характерами, взять хотя бы наиболее оригинального из них Гибонера – Ожье, которые представляет дальнейшее развитие «Племянника Рамо». Дидро. И возьмем для сравнения Сольнеса! Какая мощь в его фигуре, какая глубокая своеобразность! Он убежден, что его желания имеют действительную силу (он привлекает этим к себе Кайю Фрели; производит впечатление на Гильду тем, что целовал ее, когда она была ребенком). В том, что Алина относится к нему несправедливо и мучает его неосновательною ревностью, он находит благотворное самобичевание, так как страдает из-за неё по своей собственной вине и в то же время он едва выносит её близость. У него от природы все задатки быть гением, но ему кажется, что все окружающие принимают его за сумасшедшего. Он чувствует себя богатым идеями, но боится молодежи и перемены во вкусах. Он в одно и то же время символ универсальности, старающийся гений и индивидуум с бесчисленными странностями, доходящими до того, что, не имея детей, он имеет для них детскую.

После Ибсена нельзя уже писать так, как писали до него, тем, кто желает стоять на высоте драматического искусства. Он довел требования характеристики и драматической техники до небывалой до него высоты.

Большая часть того, что создано севером в литературе и искусстве, утеряно для европейской культуры. Между тем, как многие светила нашей науки, как напр. Тихо Брахе, Линней, Берцелиус, Абель и скульптор Торвальдсен, получили известность далеко за пределами своей родины, про представителей изящной литературы это можно сказать лишь про очень немногих. Гольберг почти неизвестен, несмотря на его Эразмуса Монтануса; Бельман Генерь и Рюнеберг вовсе неизвестны; Тегнер известен только в Германии и Англии благодаря своему циклу романсов. Андерсен известен в Германии и славянских землях своими детскими сказками; Якобсен приобрел художественное влияние в Германии и Австрии.

И это все.

Несправедливость литературной судьбы представляется почти чем то неизбежным, и Дания с большим правом, чем кто-либо, может жаловаться на эту несправедливость, так как даже такой глубокий и самобытный талант, как Серен Киркегорд остался неоценным и непонятым. Между прочим, благодаря особенному стечению обстоятельств, эта несправедливость послужила на пользу великому драматургу Норвегии. Так как Киркегорд был Европе неизвестен, Генрик Ибсен явился для неё самым оригинальным и самым великим. В этом образе он выступил перед нашей высокой культурной Европой вдруг, так как она не знала ближайшего вдохновителя его таланта.

Но Генрик Ибсен, конечно, сполна заслужил обращенные на него взоры. С ним вместе в первый раз проникает скандинавский север в историю развития европейской литературы. Ведь не в том дело, чтобы стало известным то, а не другое имя, но в том, чтобы тот или иной произвел на массы несомненное влияние. А для этого требуется, чтобы личность обладала твердостью и остротой, сверкающими на подобие бриллиантов. Только таким образом вооруженный человек может начертать свое имя на скрижали веков.

* * *

В последний раз я видел Ибсена больше 3-х лет тому назад, в Христиании. Увидеть его снова было и радостно, и грустно в одно и то же время. С тех пор, как у него был удар, работа стала для него невозможной, хотя ум его и оставался все еще ясным. Поразительная мягкость сменила прежнюю строгость; он сохранил всю тонкость чувства и стал как будто еще сердечнее, но общее впечатление, которое он производил, было впечатление слабости. С тех пор он быстро пошел на убыль. И чего он не перестрадал за это время? 25 лет тому назад он заставил своего Освальда в «Привидениях» сказать: «Никогда не быть больше в состоянии работать, никогда

– никогда; быть живым мертвецом! Мама, можешь ли ты представить себе что-либо более ужасное»? И вот в продолжение шести лет это было его собственной участью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.